

ЛОКШАНОВА Л. М.

О СТРУКТУРЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Моделирование структуры грамматической категории наклонения зависит от трактовки целого комплекса теоретических проблем. Предлагаемое в данной статье описание системы форм категории наклонения в датском языке отличается в значительной степени от установившейся в Дании научной традиции, в соответствии с которой в датском языке, помимо индикатива, выделяются еще два наклонения: императив (*giv*) и конъюнктив, или оптатив (*give*). Мы выделяем еще 4 косвенных наклонения: ирреалис (*gav, havde givet*), кондиционалис (*ville give, ville have givet*), дубитатив (*skulle give, skulle have givet*) и проспектив (*skal give, skulle give*). Выделение большого количества косвенных наклонений мы основываем на изучении функционирования глагольных форм с позиций, соответствующих ряду важных теоретических положений, сформулированных ведущими советскими германистами, — В. М. Жирмунским, А. И. Смирницким, М. И. Стеблин-Каменским, В. Н. Ярцевой, М. М. Гухман и др. Первостепенное значение для предлагаемой трактовки структуры категории наклонения в датском языке имели: учет принципов выделения аналитических форм [1; 2; 3, с. 62—99; 4—9], общая теория грамматических категорий [3, с. 8—11, с. 205—210; 10—14], принципы описания структуры парадигматических рядов [15—18], положение о «полевой структуре» грамматических категорий [1, с. 124—125; 19], признание грамматической омонимии [3, с. 341—357; 20; 21], исследования системы наклонений других германских языков [22—27], принципы выделения подклассов категории наклонения [3, с. 341—356; 28; 29].

В датской лингвистической традиции рамки морфологии глагола очерчиваются строго формально: в ней находят место лишь немногочисленные синтетические формы. Эта концепция в наиболее четкой форме впервые была сформулирована Х. Вивелем [30, с. 134—205]. Ныне ее разделяет большинство датских лингвистов — П. Дидериксен [31, с. 59—70; 32; 33], О. Хансен [34], Э. Релинг [35], Э. Оксенвад [36], А. М. Нордентофт [37], Е. О. Енсен [38] и др. Большое влияние на формирование датской грамматической традиции оказали В. Брёндаль, О. Есперсен, Л. Ельмслев.

Стремясь избавиться от шаблона латинской грамматики, датские лингвисты склонны усматривать своеобразие морфологии датского глагола в ограниченности числа финитных форм, к которым причисляются презенс, претерит, императив, оптатив, а также страдательные формы на *-s* (в презенсе и претерите). Все «описательные глагольные формы» (*«verbets omskrevne former»*) выведены за пределы парадигматики на том основании, что вспомогательный глагол не может быть приравнен к морфеме, а аналитическое сочетание — к синтетической форме [ср. 31, с. 127—130]. Это относится, в частности, к перфекту, плюсквамперфекту, пассиву с *blive* и, конечно, ко всем сочетаниям с инфинитивом. Исключение аналитических форм из морфологии повлияло, естественно, на трактовку глагольных категорий наклонения, времени, вида и залога.

Важные последствия для моделирования структуры глагольных категорий имеет также другой теоретический принцип, которому следуют датские лингвисты, — отрицание грамматической омонимии. В частности, реальный и ирреальный претерит (*gav*), оптатив и инфинитив (*give*) рас-

смаатриваются соответственно как варианты одной формы. Пытаясь найти общее категориальное значение для обоих вариантов претерита, и Х. Вивель, и П. Дидериксен трактуют эту форму как «дистантную» (*afstandsform*) [ср. 30, с. 141; 31, с. 123]. В соответствии с этим общая классификация финитных форм связывается с выражением «степени реальности» действия (*realitetesgraden*). На основе этого родового понятия презенс, претерит, императив и оптатив противопоставляются соответственно как *«realitetsform»*, *«afstandsform»*, *«påbudsform»* и *«onskeform»* [см. 30, с. 140—146; 31, с. 125—127; 32]. Логическим завершением этого принципа классификации был бы полный отказ от отдельного рассмотрения категорий наклонения и времени. Однако этого последовательного шага ни Х. Вивель, ни П. Дидериксен не делают: в рамках категории времени все же противопоставляются презенс и претерит, а в рамках категории наклонения — индикатив, императив и оптатив.

Близкая к концепции датских лингвистов точка зрения на принципы выделения форм категории наклонения сформулирована Л. С. Ермолаевой [см. 24, 25]. В фундаментальном исследовании, посвященном эволюции системы наклонений в германских языках, для современного датского языка выделяется оппозиция «индикатив — императив». В связи с судьбой датского ирреалиса делается вывод о слиянии противопоставления «реальность — нереальность» с временным противопоставлением «непрошедшее — прошедшее» на основе инварианта «актуальность — неактуальность» в момент речи. Постулируется неотделимость категории наклонения от категории времени [25, с. 41—42]. В отличие от датских лингвистов, Л. С. Ермолаева исключает из парадигмы форму оптатива, трактуя ее как архаичную [24, с. 288].

М. И. Стеблин-Каменский на материале скандинавских языков убедительно показал, что распад флексий, с одной стороны, и грамматизация синтаксических сочетаний, с другой, явились решающими факторами эволюции морфологического строя этих языков [39]. Процессы парадигматизации глагольных сочетаний, характерные для исторической перестройки глагольной системы германских языков, захватили датский язык и привели к значительным изменениям в структуре парадигматических рядов.

В современном датском языке, наряду с аналитическими формами, достигшими максимального уровня парадигматизации, функционируют грамматизованные и полуграмматизованные сочетания, в той или иной степени приближающиеся к парадигме, что обуславливает относительно незамкнутый характер самой парадигмы. В этой связи в датском языке целесообразно разграничивать, с нашей точки зрения, собственно парадигму, включающую синтетические и аналитические формы слова, и расширенную парадигму, включающую грамматизованные конструкции, не обособившиеся в полной мере от свободных синтаксических сочетаний. К аналитическим формам, входящим в собственно парадигму, мы относим перфект, плюсквамперфект, будущее и будущее в прошедшем со вспомогательным глаголом *vil/ville* [40] и кондиционалис с *ville* [41]. Форма пассива с *blive* также относится к аналитическим [42]. В расширенную парадигму выключаются грамматизованные сочетания с глаголом *skulle*, входящие в разные подклассы: модальное будущее, примыкающее к футуруму, и косвенные наклонения — проспектив и дубитатив (см. ниже). Входят в расширенную парадигму также формы статива. Результативное сочетание *få* + причастие II и омонимичная страдательная конструкция остаются за пределами парадигмы [43].

Из всех скандинавских языков датский достиг самого высокого уровня аналитизма. В морфологии глагола датский обнаруживает больше сходства с аналитическим английским, чем с немецким. Как и в английском, роль контекста в проявлении значений омонимичных, полифункциональных или многозначных форм является решающей. Вслед за А. И. Смирницким [3, с. 341—357], М. И. Стеблин-Каменским [24], В. Н. Ярцевой [44] мы полагаем, что претеритальные формы индикатива и формы косвенных наклонений являются категориальными омонимами. В качестве ре-

шающих критериев омонимии выступают расхождения инвариантных значений, различия в структуре парадигматических рядов и межпарадигматических отношений и, в конечном итоге, — отнесенность к разным уровням в структурной иерархии: категориальный класс форм наклонения выступает как «большая парадигма», по отношению к которой видо-временные формы индикатива образуют «малую парадигму» [13, с. 69—86; 9, с. 40; 17, с. 86—87]. Грамматическую категорию мы понимаем как обобщенное грамматическое значение, последовательно выражаемое системой грамматических форм, структура которой определяется отношениями оппозиции или различия между парадигматическими значениями ее элементов [ср. 14, 45]. В качестве элементов категориального класса наклонения («большая парадигма») выступают индикатив и косвенные наклонения, каждое из которых обладает собственным парадигматическим значением и в свою очередь представлено либо одной грамматической формой (оптатив и императив), либо системой форм, образующих «малые парадигмы» (категориальные подклассы). Категорию наклонения мы определяем как выражение финитными формами глагола модальности предикации, т. е. точки зрения говорящего на реальность связи между носителем признака и признаком, между которыми он устанавливает синтаксическое предикативное отношение [ср. 46].

В датском языке место каждой глагольной формы в общей системе финитных форм зависит от ее отношения к категориям наклонения, времени, вида и залога (в данной работе мы абстрагируемся от противопоставления форм действительного и страдательного залога и приводим только формы парадигматического ряда актива). Структура индикатива определяется взаимодействием категорий времени и вида (категория вида в датском языке рассматривается как оппозиция неперфектных и перфектных форм). Видовое противопоставление неперфектных и перфектных форм охватывает также три косвенных наклонения: ирреалис, кондиционалис и дубитатив. В соответствии с видовой оппозицией мы разграничиваем формы ирреалиса I и II (*gav, havde givet*), кондиционалиса I и II (*ville give, ville have givet*), дубитатива I и II (*skulle give, skulle have givet*). Парадигма проспектива состоит из двух форм — проспектива и проспектива в прошедшем (*skal give, skulle give*), употребляющихся в соответствии с «правилами согласования времен»: проспектив является синтаксически зависимым наклонением, употребляющимся в придаточных дополнительных и целевых. Терминологическое различение видо-временных форм индикатива и форм косвенных наклонений должно отразить специфику парадигматического модального значения каждой из омонимичных форм (ср. замечание В. М. Жирмунского о необходимости изменения названий форм немецкого конъюнктива [47]).

Если признать ведущим принципом конструирования языковых систем функционально-структурную общность их элементов [ср. 15, с. 154; 48, с. 8—9], то использование одних и тех же элементов в пределах разных иерархических систем (мы имеем в виду категориальные классы наклонения и времени) можно рассматривать как способ формообразования (аналогично конверсии в словообразовании). В его основе лежит идея несовместимости комплекса парадигматических значений.

Рассмотрим примеры употребления форм косвенных наклонений в типичных синтаксических условиях.

И м п е р а т и в (1) *Læs* «Читай»; (2) *Du vil være digter, i n d r ø m d u bare* (Т. Skou-Hansen, «De nøgne træer») «Ты хочешь быть писателем, ты уж признайся». Форма императива в датском языке является «сильно маркированной» (совпадает с глагольной основой). При эксплицитном подлежащем, характерном для эмоционально-экспрессивной речи (второй пример), как бы усиливается непосредственный контакт между говорящим и исполнителем действия. Парадигматическое значение формы императива — объективно-модальное значение гипотетичности, обусловленное непосредственным побуждением субъекта действия к действию со стороны говорящего. Значение непосредственного побуждения передается также обратным порядком слов, так называемым нулевым подлежащим

и интонацией [27, с. 149]. Значение же гипотетичности связи между S и P маркируется именно формой наклонения.

О п т а т и в: (3) *Danmark leve!* «Да здравствует Дания!»; (4) *Gud give, at...* «Дай бог, чтобы...»; (5) *Pokker t a g e dig!* «Черт тебя побери!»; (6) *Man h e n v e n d e s i g mellem 3 og 4* «Следует обращаться между 3 и 4 часами»; (7) *Man f o r e s t i l l e s i g min forbavelse, da...* «Представить только мое удивление, когда...»; (8) *Det v æ r e n u som det v æ r e vil* «Будь, что будет»; (9) *F o r s t å det hvem der kan* «Вот и пойми, кто может»; (10) *Det er nødvendigt, at alle de kræfter, der følger disse problemer..., det v æ r e s i g....* («Land og Folk», 1979, 5 апр.). «Необходимо, чтобы все те силы, которые ощущают эти проблемы..., будь то...». Парадигматическое значение оптатива — гипотетическая связь между Р и S, обусловленная волеизъявлением говорящего, которое не предполагает побуждения кого-либо к действию, а выражает пожелание установления связи между признаком и его носителем. Синтагматическими значениями оптатива в датском являются значения пожелания (примеры 3—5), предписания (примеры 6—7), допущения (примеры 8—10). Сфера употребления оптатива ограничена конкретными структурно-синтаксическими моделями предложения, характерными речевыми условиями и определенными стилистическими рамками. В этой связи высказывается мнение, что оптатив в датском является архаизмом, вышедшим из употребления [24, с. 288—289]. Такой вывод неправомерен, потому что удельный вес оптатива должен определяться в ряду средств выражения данного значения, которое само по себе является стилистически и жанрово обусловленным [ср. 6]. Неточным является также утверждение, что оптатив употребляется лишь в некоторых фразеологизмах. Определенным синтагматическим видам оптатива действительно свойственна клишированность. В частности, значение пожелания связано с определенным кругом глаголов, употребляемых в здравницах, пожеланиях, обращенных часто к богу, судьбе, или, наоборот, в проклятиях, где фигурируют существительные *pokker, fanden, djævel* «черт» и соответствующие эвфемизмы (*søren, katten*). Диапазон таких формул невелик, постоянным членом в них является глагол, а в позиции подлежащего, дополнения и остальных членов предложения могут выступать различные слова того же семантического разряда. Ср.: *Årets første student, han l e v e!* (K. Riffbjerg, *Den kroniske uskyld*) «Первый выпускник года, пусть здравствует он!»; *Pokker (fanden, djævel, søren, katten) t a g e dig (mig, ham)* «Черт тебя (меня, его) побери...»; *Pokker stå i den mand* «Черт возьми этого человека». Как раз спецификация модального значения оптатива обуславливает высокую степень его устойчивости. Многочисленные примеры употребления оптатива в современном языке приведены в третьем томе обширной монографии О. Хансена [34].

П р о с п е к т и в: (11) *Han ville have, at hun s k u l l e d e l e hans glæde* (M. Tejn, *Katastrofe*) «Он хотел, чтобы она разделила его радость»; (12) *Jeg er bange for, at hun s k a l o p d a g e, hvordan jeg virkelig er* (T. Ditlevsen, *Barndommens gade*) «Я боюсь, что она обнаружит, каков я на самом деле»; (13) *Han vendte sig om, for at der ikke s k u l l e b l i v e s m i l e t til ham mere* (K. Sønderby, *Den usynlige hær*) «Он отвернулся, чтобы ему больше не улыбались»; (14) *Og for at man s k a l f o r s t å, hvordan hun s k u d, vil jeg sige, at hendes øjne... var en rig mands datters øjne* (K. Sønderby, *Midt i en jazztid*) «Для того, чтобы понять, как она выглядела, я скажу, что у нее были глаза дочки богатого человека». Поскольку проспектив представляет собой синтаксически зависимое косвенное наклонение, употребляемое в дополнительных и целевых придаточных предложениях, выбор формы *skal* + inf. или *skulle* + inf. подчиняется правилам зависимого употребления времен. Парадигматическое значение проспектива — гипотетическая связь носителя признака S и признака Р, обусловленная противопоставлением носителей действия в главной и придаточной части. Частным случаем этого противопоставления является значение внешнего волеизъявления (при глаголах желания или нежелания в главной части и в придаточных целевых).

И п р е а л и с: (15) *Hvis huset s t y r t e d e s a m m e n n u, ville jeg*

være lykkelig (K. Riffbjerg, Den kroniske uskyld) «Если бы дом сейчас рухнул, я был бы счастлив»; (16) *Havde du fulgt mit råd, havde alting set anderledes ud for dig* (K. Sønderby, Den usynlige hær) «Если бы ты последовала моему совету, все было бы у тебя иначе»; (17) *Havde jeg blot adlydt ham!* (H. L. Jepsen, Pardishuset) «Если бы я его послушалась!»; (18) *Bare det var overstået* (H. Kirk, Djævelens penge) «Только бы пережить это»; (19) *Jeg har det, som om jeg skulle op til eksamen* (там же) «У меня такое чувство, как будто мне идти на экзамен»; (20) *Han havde bestemt, at der skulle arbejdes om søndagen, og der ville blive arbejdet om søndagen, hvad folk end sagde til det* (там же) «Он решил, что нужно работать по воскресеньям, и по воскресеньям будут работать, что бы люди ни говорили об этом»; (21) *Karen Blixen er meget sparsom med oplysninger om sig selv. Helst, siger hun, var hun forblevet anonym* (J. Rosendahl, Karen Blixen) «Карен Бликсен очень скупко сообщает о себе. — Лучше всего, — говорит она, — было бы остаться анонимной»; (22) *Såfremt I ejer evne dertil, så burde I skamme jer* («Land og Folk», 1976, 2 апр.). «Если только вы на это способны, то постыдились бы». Ирреалис I (примеры 15, 18, 19, 20) и ирреалис II (примеры 16, 17, 21) противопоставлены по выраженности/невыраженности значений результата или ретроспективности. Парадигматическое значение ирреалиса — ирреальность¹; — понимается как связь между подлежащим и сказуемым, противоположная (или потенциально противоположная) действительной денотативной связи (так называемое «внутреннее отрицание»). По сути дела, формы ирреалиса позволяют в свернутом виде выразить допущение от противного. Смысл придаточного ирреального условия, например, можно выразить таким построением: *Если бы он жил в Москве... ⇔ Известно, что он в Москве не живет; но допустим, что он живет в Москве; если принять такое допущение...* Помимо придаточных условных (примеры 15—16), ирреалис в датском употребляется в придаточных ирреального сравнения (пример 19), ирреальных уступительных предложениях (пример 20), а также в предложениях ирреального желания (примеры 17—18). В этих синтаксических условиях употребление ирреалиса является абсолютной нормой. В главной части сложноподчиненного предложения ирреального условия обычным является употребление кондиционалиса. Ирреалис возможен в тех случаях, когда подчеркивается ирреальность следствия (пример 16). Употребление ирреалиса в самостоятельном предложении всегда мотивировано элементами смысла, имплицитными соотносительностью ирреального допущения и ирреального следствия — в примере (21) этим элементом является наречие оценки в превосходной степени *helst*. Модальные глаголы, в отличие от полнозначных, обычно употребляются в самостоятельных и главных предложениях в форме ирреалиса, а не кондиционалиса. В самостоятельных предложениях в этом случае создается коннотация вежливости, некатегоричности (пример 22). Некатегоричность высказывания не является значением объективной модальности. Коннотация вежливости, некатегоричности создается за счет как бы немотивированного использования форм, содержащих семы «ирреальность» и «ирреально обусловленное предположение», хотя соответствующие речевые клише возникли на основе высказываний, содержавших эти значения.

К о н д и ц и о н а л и с: (23) *Hvis jeg var Dem, ville jeg nu ikke være særlig opskræmt* (A. Bodelsen, Frysepunktet) «Если бы я был на Вашем месте, то я бы уж не стал особенно пугаться»; (24) *Nu bomber de! — sagde Alice, men Jørgen lyttede og rystede på hovedet.* — *Så ville vi have hørt maskinerne, sagde han* (K. Sønderby, Den usynlige hær) «Теперь они бомбят!» — сказала Алиса, но Йорген, прислушавшись, покачал головой: — Тогда мы бы слышали машины, — сказал он»; (25) *Det ville være rar at have skreget* (K. Riffbjerg, Den kroniske uskyld) «Было бы приятно закричать»; (26) *På et gammeldags teater ville det have sluttet med, at hun ville være ilet ud til højre* (K. Sønderby, Midt i en jazztid) «В старом театре это кончилось бы тем, что она поспешила бы направо»; (27) *Jeg ville ønske du kunne blive her, brast*

det ud af ham (I. Malinovski, Ingenlandsmand) «Я бы хотел, чтобы ты могла остаться здесь, — вырвалось у него»; (28) *En nægtelse ville føre til katastrofale tilstande* (H. Kirk, Djævelens penge) «Отказ привел бы к катастрофе»; (29) *For et år siden ville han have sagt «ja, gerne»* (K. Sønderby, Midt i en jazztid) «Год назад он сказал бы: „Да, конечно“», (30) *Hvis det ikke havde været for hende, var han sikker på, at han ville have været meget lykkelig* (L. Panduro, Den bedste af alle verdener) «Если бы не она, то он наверняка был бы тогда очень счастлив». Парадигматический ряд кондиционалиса состоит из двух форм — кондиционалиса I (*ville* + инфинитив I) и кондиционалиса II (*ville* + инфинитив II). Системный характер видовой оппозиции в парадигматических рядах ирреалиса, кондиционалиса и дубитатива проявляется в однотипности их строения. Кондиционалис II, в соответствии с этой общей структурой, выражает значение результата (в примере 24 — результат в настоящем) или ретроспективности (примеры 26, 29, 30). Инвариантное модальное значение кондиционалиса — ирреально обусловленное предположение. К типичным вариантам контекста относятся не только главная часть ирреального периода, но и самостоятельные предложения, в которых функцию antecedenta может выполнять любой член предложения (соответственно в примерах 24 — *så*, 25 — *at have skreget*, 26 — *på et gammeldags teater*, 28 — *en nægtelse*, 29 — *for et år siden*). Самостоятельные предложения со сказуемым в форме кондиционалиса по существу представляют собой структуры с элиминированными глубинными предложениями наличия или существования в ирреальном условном периоде. В качестве особого случая можно указать на предложение, где кондиционалис приобретает коннотацию категоричности, вежливости (пример 27), возникающую за счет как бы немотивированного употребления формы с данным парадигматическим значением (*ville ønske*).

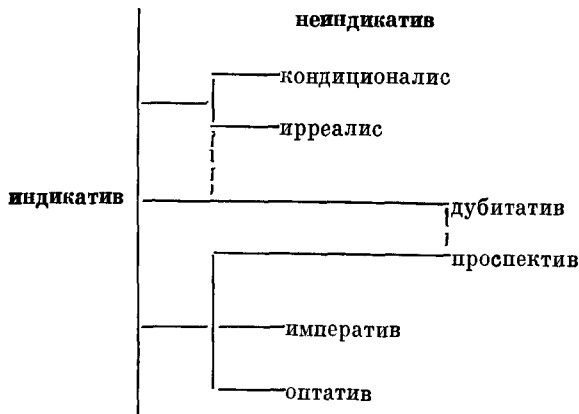
Для датского языка характерно разграничение потенциала модальных значений и условий синтаксического употребления ирреалиса и кондиционалиса, хотя по своей грамматической семантике оба ряда форм, казалось бы, очень близки. Их сходство основывается на близости значений в цепочке «ирреальное допущение → ирреально обусловленное предпологаемое следствие», но при этом употребление форм ирреалиса мотивировано контекстом условного допущения, а кондиционалиса — ирреальностью этого допущения. Условное допущение присутствует в качестве элемента смысла не только в собственно условных придаточных, но является также компонентом значения остальных типов придаточных, в которых возможна форма ирреалиса: ирреальных уступительных (*хотя бы* ↔ *даже если бы*), ирреального сравнения (*как будто* ↔ *как если бы*) и предложений ирреального желания (так называемых *усеченных* придаточных, или *псевдопридаточных*), смысл которых сводится к положительной оценке условного допущения от противного (с элиминированием главной части, содержащей эту положительную оценку). Формы кондиционалиса, в свою очередь, имеют значение ирреально обусловленного предположения. В умозаключении «условное допущение от противного → → предпологаемое ирреально обусловленное следствие» значения условного допущения и следствия выражены синтаксической структурой предложения и союзами, а значения ирреальности и ирреально обусловленного предположения — глагольными формами наклонения. В предпологаемом следствии могут быть при этом акцентированы две стороны: значение предположения или значение ирреальности этого предположения. Отсюда возникает возможность выбора между формами двух наклонений в главной части предложения — между формой кондиционалиса или ирреалиса.

Дубитатив: (31) *Jeg har aldrig hørt, at han skulle være utilfreds eller ked af noget derinde i ministeriet* (H. Scherfig, Den forsvundne fuldmægtig) «Я никогда не слышала, что бы он был чем-то недоволен или неудовлетворен в министерстве»; (32) *Jeg prøvede hver gang på at registrere alt omkring mig for at se, om det ikke skulle kunne berolige mig* (K. Riffbjerg, Den Kroniske uskyld) «Всякий раз я пытался фиксировать

свое внимание на окружающих предметах, чтобы проверить, уж не сможет ли это меня успокоить»; (33) *Mon ikke vi skulle kunne finde et roligere sted at tale sammen? sagde Thorkild...* (E. Jensen, Dommen) «Неужели мы не можем найти более удобное место для разговора? — сказал Торкильд»; (34) *Det er hans brev. Og hans skrift. Hans pæne ordentlige skrift. Hvem skulle ellers have skrevet det?* (H. Scherfig, Den forsvundne fuldmægtig) «Это его письмо. И его почерк. Его красивый ровный почерк. Кто же иначе написал его?»; (35) *S skulle de ældre arveberettigede være døde, træder vedkommendes arvinger i disses sted* (K. Kretzschmer, Samfundslære) «Случись так, что старшие наследники умрут, их место займут наследники последних». Парадигматическое значение дубитатива отличается по своему типу от значений остальных косвенных наклонений и относится к числу значений субъективной модальности. Общим значением дубитатива является сомнение в истинности какого-либо утверждения, положения, высказывания, мысли. Контекст всегда предполагает «встречный» или ответный характер форм дубитатива: в сложноподчиненных предложениях с союзом *at* и с главной частью, содержащей отрицание при словах со значением мыслительной деятельности, внутреннего состояния, восприятия, получения информации (пример 31); в придаточных с союзом *om*, содержащих косвенный вопрос (пример 32); в вопросительных предложениях (риторический дубитатив), отражающих сильную степень удивления в связи с вопросом о ситуации, которая говорящему предельно ясна; в придаточных реального условия, выражающих малую степень вероятности того, что устанавливаемая связь между предметом и признаком возможна (пример 35). Действительность связи между предметом и признаком представляется во всех этих случаях заданной предшествующим контекстом, а для оценки ее достоверности как сомнительной используются формы дубитатива. Парадигматический ряд дубитатива имеет ту же структуру, что ирреалиса и кондиционалиса, ср. дубитатив II в предложении (34) и дубитатив I в других примерах.

Рассмотренный материал показывает, что структура категории наклонения в датском языке определяется: 1) противопоставленностью каждого из косвенных наклонений индикативу; 2) возможностью группировки косвенных наклонений в пучки на основе однородных признаков: 3) отнесенностью форм ирреалиса, кондиционалиса, императива и оптатива к собственно парадигме, а дубитатива и проспектива — к расширенной парадигме; 4) наличием переходных зон «дубитатив — ирреалис», «дубитатив — проспектив»; 5) неустойчивостью дубитатива и отчасти проспектива, вытекающей из некоторой пестроты синтаксических и семантических моделей предложений, из возможности их замены индикативом в ряде контекстов, из возможности столкновения частично омонимичных форм этих косвенных наклонений: 6) наличием у каждого из наклонений собственной структуры, соответствующей их категориальному значению и общей специфике парадигматических рядов датского глагола.

Схематически общую структуру категории наклонения в датском языке можно представить следующим образом:

Каждое из косвенных наклонений противопоставлено индикативу. Однако это не означает, что индикатив является слабым членом оппозиции. Индикатив имеет определенное парадигматическое модальное значение: «действительная связь + простая достоверность». Поэтому мы не можем согласиться с И. Б. Хлебниковой, утверждающей, «что изъявительное наклонение выражает нулевое отношение к модальности, оно амодально...» и является немаркированным членом оппозиции, в котором модальность не обозначена [23, с. 12]. В отличие от индикатива, формы косвенных наклонений не противопоставляются по линии категории времени. Любое косвенное наклонение — это «невремя» и, тем самым, — неиндикатив. В этом смысле индикатив выступает в качестве базового элемента в общей структуре категории наклонения, в дихотомии «индикатив — неиндикатив». Вместе с тем каждое наклонение характеризуется определенным парадигматическим модальным значением, формулируемым в положительных терминах, т. е. отношения между элементами структуры являются контрарными, а не контрадикторными [ср. 48, с. 22; 14].

Объединение косвенных наклонений в пучки основывается на однородности ряда признаков: а) сходстве парадигматических модальных значений; б) сходстве структуры внутренних парадигматических рядов; в) сходстве отношения к другим элементам категориального класса форм. Ирреалис и кондиционалис характеризуются дополнительными чертами сходства: ирреалис может выступать в той же синтаксической позиции, что и кондиционалис (в основном и самостоятельном предложении); модальные глаголы всегда употребляются в форме ирреалиса (кроме *kunne*); ирреалис II модальных глаголов образуется по модели кондиционалиса II (претерит модального глагола + инфинитив II). Однородность императива, опатива и проспектива связана с выражением в них модального значения гипотетичности, обусловленной внешним волеизъявлением, с вытекающим отсюда темпоральным значением недифференцированного настоящего/будущего и с отсутствием видового противопоставления по линии перфектности. Особое место в общей структуре категории наклонения занимает дубитатив, парадигматическое значение которого является значением субъективной модальности (сомнение). Однако по структуре парадигматического ряда дубитатив примыкает к пучку «ирреалис — кондиционалис». Дубитатив является наименее устойчивым наклонением, хотя наличие временного «сдвига», определенная степень грамматизации и единство парадигматического значения дают основание для его выделения в качестве самостоятельного наклонения. Противопоставленность дубитатива другим наклонениям — ирреалису, проспективу, а также индикативу — выступает в ряде случаев не вполне отчетливо. Нет резкого контраста, например, между ирреалисом модального глагола *skulle* («должен был бы», «было бы суждено») и дубитативом в некоторых контекстах, в том числе в вопросительных предложениях. Трудность отграничения дубитатива от претерита индикатива больше всего проявляется в придаточных дополнительных. По-видимому, сильнее всего сохраняется связь вспомогательного глагола в дубитативе с ЛСВ глагола *skulle* «суждено». Однако существенное значение в процессе грамматизации имеет временной «сдвиг». На первый взгляд кажется, что возможно также некоторое сближение проспектива с дубитативом — в придаточных предложениях, вводных глаголами (или опорными словами) со значениями «ожидать» и «бояться». Например: *Da jeg v a r b a n g e f o r, at vreden til sidst s k u l l e s a m l e s i g o m m i g, benyttede jeg et øjeblik... til simpelt hen at stikke af* (F. Søeborg, Afregning) «Так как я боялся, что злость в конце концов обрушится на меня, я воспользовался моментом, чтобы попросту ускользнуть»; *Jeg stod længe og v e n t e d e p å at han s k u l l e k o m t e u d igen, men... han kom aldrig igen* (H. Branner, Angst) «Я долго стоял и ждал, что он снова выйдет, но... он ни разу больше не вышел». Свойственное проспективу значение противопоставленности двух носителей действия (главного и придаточного предложения) в какой-то мере можно соотнести со встречным характером предикации, выражаемой формами дубитатива (эксплицитное или имплицитное утверждение действительности связи

и сомнение в ее достоверности). Однако употребление формы презенса глагола *skal* (а не претерита, как в дубитативе) после презентной формы вводящего глагола и темпоральное значение следования однозначно свидетельствует об отнесенности конструкций данного типа к проспективу. Ср.: *Jeg er frygtelig bange for, at denne Thorwald skal le ad mine vers* (Т. Ditlevsen, *Det tidlige forår*) «Я ужасно боюсь, что этот Торвальд будет смеяться над моими стихами». Различия в структуре парадигматических рядов проспектива и дубитатива выступают в качестве одного из важных критериев их разграничения.

Периферийное положение форм дубитатива и проспектива в парадигме категории наклонения соответствует меньшей степени грамматизации всех сочетаний со вспомогательным глаголом *skulle* по сравнению с сочетаниями с *ville*: последние образуют, в частности, формы будущего и будущего в прошедшем, входящие в парадигму индикатива, в то время как модальное будущее со *skulle* может быть включено лишь в расширенную парадигму индикатива. Об определенной неустойчивости дубитатива и до некоторой степени проспектива свидетельствуют: некоторая разнородность синтаксических моделей предложений с формами дубитатива (придаточные дополнительные; условные; вопросительные разного типа); разнообразие семантических групп глаголов, требующих проспектив в придаточных дополнительных («хотеть» — «требовать» — «надеяться» — «ждать» — «бояться»); влияние омонимии; относительный характер нормы употребления этих форм; наличие переходных зон.

Особенность внутренней структуры ирреалиса, кондиционалиса и дубитатива с бинарной оппозицией неперфектной и перфектной форм связана с их модальными значениями. Следует подчеркнуть, что выражение темпоральных значений формами этих наклонений обусловлено контекстуальными факторами. Формы ирреалиса II, кондиционалиса II и дубитатива II могут выражать значения ретроспективности, или результата, отнесенные к плану настоящего/будущего. Ср.: — *Er du kommet, Christian! Cud hvor er det dejligt. Jeg ville have været så skuffet, hvis du ikke var kommet* (Е. Jensen, *Dommen*) «— Ты пришел, Кристиан! Боже, как чудесно. Я была бы так разочарована, если бы ты не пришел» (план настоящего); *Meget ville være anderledes, hvis hun havde været køn* (Т. Ditlevsen, *Barndommens gade*) «Многое было бы иначе, если бы она оказалась красивой» (при отнесенности обеих частей сложного периода к плану настоящего в главной части употреблена форма кондиционалиса I, а в придаточной — ирреалиса II). Аналогичное сочетание форм мы находим в предложении ирреального желания: *Bare der var en eller anden, der havde haft et fotografiapparat!* (К. Riffbjerg, *Den kroniske uskyld*) «Только бы нашелся кто-нибудь, у кого бы оказался фотоаппарат!» К плану настоящего относится форма ирреалиса II: *Jeg ville gerne have haft en søster* (К. Bjarnhof, *Bag hækken*) «Я бы очень хотел иметь сестру». С другой стороны, немаркированные формы ирреалиса I, кондиционалиса I и дубитатива I могут иметь различные темпоральные значения. Процессы, обозначаемые этими формами, не ограничены пределом ретроспекции или пределом пресеченности: *Jeg kunne nok for sigge en kone — selv om jeg ingen har* (V. Sørensen, *Romeo og Signe*) «Я мог бы найти жену (раньше, сейчас или в будущем. — Л. Л.), хотя сейчас ее у меня нет»; *Og de talte et ejendommeligt frimurersprog, som ikke ville kunne forstås af uindviede* (Н. Scherfig, *Det forsømte forår*) «И они говорили на странном языке масонов, который не могли бы понять непосвященные» (план повествования о прошлом); *Martin...gik også ind på, at han skulle rykke ud af huset med mindre end en times varsel, hvis doktoren pludselig skulle finde på selv at flytte derud* (F. Gerdes, *Dr. Rauber til frokost*) «Мартин согласился также с тем, что он покинет дом менее чем через час после предупреждения, если доктор вдруг сам решит переехать сюда» (план внутренней речи в плане повествования о прошлом). Бинарная оппозиция форм в рамках ирреалиса, кондиционалиса и дубитатива имеет видовой, а не временной характер.

Принцип выделения косвенных наклонений, основанный на учете раз-

личий парадигматических значений форм и общности внутренней структуры парадигматических рядов, позволяет раскрыть сложное взаимодействие категорий наклонения, времени и вида в датском языке, объяснить отсутствие изоморфизма в структуре различных наклонений, выявить динамичный характер синхронной структуры категории наклонения.

На материале других германских языков сходные закономерности построения категории наклонения отмечены для английского языка А. И. Смирницким [3, с. 341], а для немецкого — Т. В. Строевой [22, с. 37] и О. И. Москальской (О. И. Москальская разграничивает три ряда форм конъюнктива, хотя и не называет их разными наклонениями [28, с. 119—130]). Думается, однако, что в немецком языке, как и в английском и датском, имеется тенденция к последовательному различению парадигматических рядов ирреалиса (так называемые претерит и плюсквамперфект конъюнктива) и кондиционалиса как разных наклонений: ирреалиса для выражения «внутреннего отрицания», а кондиционалиса — для выражения ирреально обусловленного предположения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. — В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
2. Жирмунский В. М. О границах слова. — В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
3. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
4. Смирницкий А. И. Аналитические формы. — ВЯ, 1956, № 2.
5. Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
6. Ярцева В. Н. К вопросу об инновациях в области синтаксиса. — В кн.: Вопросы германского языкознания: Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. М.—Л., 1961.
7. Ярцева В. Н. Об аналитических формах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
8. Гухман М. М. Критерии выделения глагольных аналитических конструкций из других типов словосочетаний. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
9. Гухман М. М. Процессы парадигматизации и историческая типология словоизменительных систем германских языков. — В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1972.
10. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
11. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
12. Серебренников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (О роли принципа избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов грамматического выражения). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
13. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1974.
14. Бондарко А. В. О структуре грамматических категорий. — ВЯ, 1981, № 6.
15. Сосюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1974.
16. Ярцева В. Н. Проблема парадигмы в языках аналитического строя. — В кн.: Вопросы германского языкознания: Материалы II научной сессии по вопросам германского языкознания. М.—Л., 1961.
17. Гухман М. М. Типология преобразования словоизменительной парадигматики. — В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977.
18. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
19. Адмони В. Г. О подлинной точности при анализе грамматических явлений. — В кн.: Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на Международном конгрессе лингвистов. М., 1967.
20. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Анализ и аналитизм. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965.
21. Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957.
22. Строева Т. В. Модальность косвенной речи в немецком языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1951.
23. Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке как общелингвистическая проблема. Калинин, 1971.
24. Ермолаева Л. С. Типология развития системы наклонений. — В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
25. Ермолаева Л. С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1978.

26. *Flämig W.* Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1959.
27. *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
28. *Moskalskaja O. I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1975, S. 122—132.
29. *Воронцова Г. Н.* Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, с. 240—299.
30. *Wiwel H. G.* Synspunkter for dansk sproglære. København, 1901.
31. *Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København, 1976.
32. *Diderichsen P.* Realitet som grammatisk kategori.— In: *Diderichsen P.* Helhed og struktur. Udvalgte sprogvidenskabelige afhandlinger. København, 1966.
33. *Diderichsen P.* Morpheme categories in modern Danish.— In: *Diderichsen P.* Helhed og struktur. Udvalgte sprogvidenskabelige afhandlinger. København, 1966.
34. *Hansen A.* Moderne dansk. Bd. 3. København, 1967.
35. *Rehling E.* Det danske sprog. København, 1951, s. 79—81.
36. *Ozenvad B.* Bedre dansk. København, 1962, s. 58—66.
37. *Nordentoft A. M.* Hovedtræk af dansk grammatik. Ordklasser. København, 1973, s. 47—69.
38. *Jensen E. O.* Dansk grammatik for gymnasiet. København, 1962, s. 57—67.
39. *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.—Л., 1953, с. 117—240.
40. *Бабушкина Е. В.* Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.
41. *Локитанова Л. М.* Система форм категории наклонения в датском языке.— Вестник МГУ, 1982, сер. 9, № 1.
42. *Локитанова Л. М.* Страдательный залог и страдательная конструкция предложения в современном датском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1960.
43. *Локитанова Л. М.* Функции и значения глагола *fd* в датском языке.— В кн.: VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докл. Ч. II. Л.—М., 1976.
44. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М., 1981, с. 47—57.
45. *Ярцева В. Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков.— В кн.: Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975, с. 5.
46. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1936, с. 105.
47. *Жирмунский В. М.* История немецкого языка, М., 1956, с. 260—261.
48. *Плоткин В. Я.* Грамматические системы в английском языке. Кишинев, 1975.